

УДК 94(47).03

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/4

«ВТОРЫЙ ПО СОЛОМОНЪ»: «ЦАРСТВЕННЫЙ ОБРАЗ» ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ВИЗАНТИИ

М.В. Киселев

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: fasthedgehog@bk.ru

Авторское резюме

Русь и Византия имели длительную историю взаимоотношений. Что логично, Византия оказывала воздействие на политическую систему и политическую культуру древнерусских княжеств, начиная с самых первых контактов двух государств. Какое влияние имела Византия на Юго-Западную Русь, в чем выражалось это влияние и какие факторы влияли на складывание «царственного образа» правителей Галицко-Волынского княжества? Каким образом в Юго-Западной Руси появляются атрибуты византийской императорской власти? С помощью чего на страницах летописи создается «царственный образ» галицко-волынского правителя? Все эти вопросы, требующие рассмотрения проблем культурных, политических и дипломатических связей двух государств в первой половине XIII в., и стоят перед автором данной статьи.

Ключевые слова: Даниил Галицкий, Византия, Никея, Галицко-Волынская Русь, «царственный образ», дипломатия.

“SECOND AFTER SOLOMON”: THE “REGAL IMAGE” OF DANIEL OF GALICIA AND THE BYZANTINE HERITAGE

M.V. Kiselev

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: fasthedgehog@bk.ru

Abstract

Old Rus and Byzantium had a long history of mutual relations, with the latter exerting influence on political system and culture of ancient Russian principalities starting from the first contacts between the two states. The paper discusses what impact Byzantium had on Southwestern Rus, what factors predetermined the “regal image” of Galician-Volhynian princes, how the attributes of the Byzantine imperial power appeared in Southwestern Rus and what means are used in the Chronicle to create the “regal image” of the Galician-Volhynian prince. The author believes that these questions require the analysis of cultural, political and diplomatic connections between the two states in the early 13th century.

Keywords: Daniel of Galicia, Byzantium, Nicaea, Galicia-Volhynia, “regal image”, diplomacy.

Вопрос о роли Византийской империи в определении внешне-политического курса Галицко-Волынской Руси времен правления Романа Мстиславича и Даниила Романовича Галицкого неоднократно поднимался в исследовательской литературе. Но этот вопрос решался различными авторами по-разному. Ряд новейших авторов склонны отрицать какое-либо существенное влияние Византии (Никеи) на внешнюю политику Руси вообще и Галицко-Волынского княжества в частности. Среди других взглядов на указанную проблему есть точка зрения о том, что никейские правители вынуждены были искать союзников на Западе с целью возвращения Константинополя, поэтому контакты Даниила Галицкого и папы не могли вызвать в Никее отрицательных эмоций. Подобных взглядов придерживается, например, Н.Ф. Котляр (Котляр 2008: 290–291).

М.М. Войнар и вслед за ним И.Ф. Паславский придерживались совершенно иной позиции, утверждая, что принятие Даниилом королевской короны стало актом окончательного разрыва с Византией (Никеей) и выхода русского князя из ее внешнеполитической орбиты (Войнар 1955: 116–117; Паславский 2003: 71–72).

Есть и другая позиция, на которой стоит А.В. Майоров. Согласно его точке зрения, Византия (Никея) оказывала прямое влияние на определение внешнеполитической линии Галицко-Волынской Руси, в частности через мать Даниила, византийскую принцессу Ефросинью (Анну) (Маіоров 2014: 188–233; 2015: 11–13).

Каков же был характер взаимоотношений между Галицко-Волынской Русью и Византией, в какой степени можно говорить о влиянии Византии (Никеи) на внешнюю политику Даниила Галицкого? И можно ли это делать вообще? Задачи данной статьи – проследить за ролью Византийской (Никейской) империи в определении внешнеполитиче-

ского курса князя Даниила Галицкого, рассмотреть вопрос о средствах и методах этого влияния и отдельное внимание уделить так называемому царскому следу – политико-идеологической составляющей в отношениях между Галицко-Волынской Русью и Византией (Никеей).

Наследие отца и матери

Византийское влияние на Русь IX–XII вв. было доминирующим как во внешней, так и во внутренней политике. Русские князья стремятся перенимать некоторые элементы византийской политической культуры. Например, князь Владимир Всеволодович, прозванный Мономахом, с которым Галицко-Волынская летопись сравнивает Романа Мстиславича: «...храборъ бо бѣ æко и тоуръ. ревноваше бо дѣдоу своему Мономаху. погоубившему поганыѣ Измалтаны. рекомыѣ Половци. изгнавшю ѿтрока во ѿбезы. за Желѣзнаѣ врата. Сърчанови же вставшю оу Доноу. рыбую вживѣшю тогда Володимерь и Мономахъ пиль золотомъ шоломомъ Донъ. и приемшю землю ихъ всю...» (ПСРЛ 2: 155). Для Романа Мстиславича было важно именно сравнение с Владимиром Мономахом (причем не только сравнение, но и указание на родство). Для Романа это означало претензии на установление общерусского правления, на союз с Византией, а также на необходимость борьбы с иноземными захватчиками.

Однако именно в правление Романа в Византии происходит событие, которое заставляет измениться характер русско-византийских отношений. В 1204 г. Константинополь был завоеван крестоносцами и стал центром нового государства – Латинской империи, а на территории Малой Азии возникла Никейская империя, правители которой продолжали считать себя настоящими правителями Византии. Распад Византийской империи повлек за собой попытки многих правителей заявить о притязаниях на императорскую власть. По крайней мере, ей пытались подражать, перенимать некоторые элементы поведения византийских правителей. Именно в тот период в Галицко-Волынской Руси начинают складываться «царственный статус» князя, проявляться «царский след» Византии на Руси.

Галицко-Волынская летопись начинается посмертной похвалой Роману Мстиславичу, названному в самых первых строках «приснопамятным самодержцем всея Руси» (ПСРЛ 2: 155), а позднее в описании пребывания Даниила Романовича у татар и вовсе присутствует фраза «егожъ вѣщъ бѣ цѣрь в Роуской земли» (ПСРЛ 2: 185), прямо указывающая на высокий статус Романа. После захвата Константинополя царский титул (или именование «самодержец») для большинства русских князей утрачивает свои привлекательность и

авторитет (Майоров 2009: 252–253), но только не для правителей Галицко-Волынской Руси. По словам В.А. Водова, в XIII в. среди русских источников царский титул правителей встречается лишь в текстах галицко-волынского происхождения (Водов 2002: 518). Использование титулования «царь и самодержец» можно отнести к указанию на родство с византийской императорской фамилией (Маіоров 2014: 303), следовательно, на общерусский характер политической деятельности князя, его могущество и авторитет.

В начале XIII в. все претенденты на имперский трон и титул самодержца обзавелись этими реликвиями и использовали их в целях поднятия своего политического авторитета (Майоров 2011а: 18). В то время реликвии оказываются и в распоряжении Романа Мстиславича. Очевидно, это происходит после бегства в Галич императора Алексея III.

О бегстве в Галич византийского императора сообщается в «Анналах» Яна Длугоша: «Аскарый же, константинопольский император, после взятия города перебрался к Понтийскому морю, в Терсону, а оттуда впоследствии прибыл в Галацию, или Галицкую землю, которая является частью Руси» (Древняя Русь 2004: 343). У итальянского историка дель Фиадони есть свидетельство о происхождении этого известия, в котором указывается на то, что бегство императора на Русь описывал в своей хронике еще Кузентин (Fiadoni 1727: 1119). Почему же Кузентин и Фиадони, а вслед за ними и Длугош называют императора Аскарием, хотя речь должна идти об Алексее III? Объясняя это, А.В. Майоров говорит о том, что итальянцам была более известна династия Ласкарей (Аскариев) ввиду многолетней борьбы последних с Латинской империей, поэтому в хрониках и происходят подмена и именование императора Алексея Аскарием (Маіоров 2016: 359–362). Очевидно, что именно пребывание императора в Галиче привело к заключению союза между князем и императором, одним из условий которого была передача реликвий Святого Креста в пользование Романа.

Важно отметить и еще одно событие в галицко-волынско-византийских отношениях времен Романа Мстиславича – брак с византийской принцессой Анной, называемой в летописях великой княгиней Романовой. Этот брак, точнее, само появление Ефросиньи (Анны) на Руси, имел важные последствия. Ее влияние в Галицко-Волынской земле и за ее пределами было велико: она заключила договор в Саноке с королем Андрашем II, который принял к себе Даниила «како милога снѧ» (ПСРЛ 2: 156), потом уговорила Лешка Белого дать земли Даниилу, заявив, что вотчиной его владеет Александр Белзский, а сам Даниил – лишь Берестьем (ПСРЛ 2: 157). Вообще в малолетство

Романовичей княгиня поддерживала дружественные отношения с правителями Венгрии и Польши и с волынскими боярами, но, очевидно, что ее влияние не уменьшилось и после того, как ее сыновья начали действовать самостоятельно. Об этом говорит описанный в летописи эпизод коронации Даниила, когда его мать находилась среди тех, кто убеждал сына принять королевский венец (ПСРЛ 2: 191). Роль Ефросиньи была одной из ключевых в отношениях между Даниилом и Никеей, что определенным образом сказалось на коронации (Маіоров 2015: 11–13).

О влиянии Ефросиньи и вместе с ней Византии (Никеи) на Даниила свидетельствует явная тенденция князя к возвращению отцовского статуса «царя и самодержца» и поддержанию его.

«Царственный образ» Даниила Романовича

Становление Даниила как князя и первая половина его правления проходят в весьма сложных условиях – сначала сорокалетней войны за восстановление единства Галицко-Волынской Руси, а потом пребывания под игом. В этих условиях Даниил не мог, в отличие от отца, реально царствовать – в его правлении могли присутствовать лишь отдельные элементы царской власти (или, скорее, «царственного образа») византийских правителей. Царская власть предусматривала автократию – самодержавное правление, что для Даниила долгое время было недоступным. Поэтому «царский след» проявлялся в первую очередь в идеологической составляющей данииловой политики, в семантике имен и использовании царских знаков.

Ранее мы рассматривали историю о захвате монголами Киева в 1240 г. в свете тезиса о том, что летописный рассказ был практически полностью позаимствован из работ древних авторов и переиначен (Киселев 2016: 59–66). Можно утверждать, что такой заимствованный кусок в летописи – не единичный случай. А.В. Майоров рассматривает эпизоды, связанные с основанием «излюбленного города» Даниила Галицкого – Холма, а также Ярославского сражения 1245 г. В обоих эпизодах одну из ключевых ролей играет образ орла. В случае с битвой читаем в летописи: «и бывшоу знамению. сице надъ полкомъ. сице пришедшимъ врломъ. и многимъ ворономъ. ꙗко шолокоу великоу играющимъ же птичамъ. врломъ же клекъщоущимъ. и плавающимъ криломъ своими. и воспромѣтающимъ на воздоусъ» (ПСРЛ 2: 183). Также исследователь упоминает описанный в летописи монумент с орлом в новой столице Даниила Холме (Майоров 2014: 234–235). Следовательно, образ орла – одного из символов верховной власти – является одним из инструментов конструирования летописцем

«царственного статуса» Даниила Галицкого. В случае с памятником с изваянием орла в новом столичном городе мы видим явную параллель со знаменитой легендой об основании Константином Великим Константинополя – столицы Византийской империи, выбор места для которого был сделан после явления императору орла.

Летописец создает образ «царя», наделяя Даниила чертами древних правителей, а также описывая происходящие вокруг события (битвы, основания городов) так, как это было описано в древних хрониках о деяниях великих правителей. Для летописца очень важны древняя царственная топка, о чем мы также писали в работе, посвященной монгольскому завоеванию (Киселев 2016: 64–65), и символика определенных образов, подчеркивавших величие Даниила как правителя и полководца.

Для Даниила Галицкого было важно следовать, насколько это было возможно, за «царственным статусом» и воплощать его в жизнь. Одним из способов этого воплощения стало появление в роду Романовичей необычных имен – Ираклий и Лев. Имя Ираклий не встречалось в роду Рюриковичей ни до, ни после рождения у Даниила первенца (Dąbrowski 2002: 99–101). Имя Лев встречалось всего один раз – его носил внук Льва Даниловича Лев Юрьевич. Появление имени Ираклий в семье Даниила Галицкого связано не только с указанием на родство Романовичей с византийскими правителями и желанием наречь первенца в честь одного из величайших византийских полководцев Ираклия I, но и с тем отношением, которое император Ираклий имел к почитанию образа Честного Креста (Майоров 2011b: 109).

Говоря о путях, по которым это имя могло прийти в Галицко-Волынскую Русь, А.В. Майоров замечает, что отец принцессы Ефросиньи, матери Даниила и бабки Ираклия, Исаак II считал себя продолжателем дела императора Мануила I, который стремился повторить великий подвиг Ираклия, некогда отвоевавшего Честный Крест у персов (Майоров 2011b: 116). Так что вполне логично, что под влиянием Ефросиньи, с появлением которой на Руси галицко-волынские князья стали обладателями святых реликвий, появляется в семье Даниила имя Ираклий – как напоминание об образе «идеального императора», что сочеталось с тенденцией на построение «царственного образа» Даниила.

Очевидна аналогичная история и с именем Льва Даниловича. Имя Лев носили шесть императоров Византии, последний из них – Лев VI Философ – прославился своей мудростью и законотворчеством, а также почитался за щедрость (Вардан 1861: 110). Наречение детей именами византийских императоров однозначно имело цель подчеркнуть родственные связи между Романовичами и базилиевсами.

Также возможно, что имя Ираклий, популярное как на католическом Западе, так и на православном Востоке, данное наследнику, было своеобразным призывом к объединению для христианских целей Запада и Востока и демонстрацией готовности к участию в общеевропейских политических делах (Майоров 2011b: 118–119). Но этим начинаниям и стремлениям Даниила не суждено было стать реальностью. В 1230-х гг. Даниил Романович попал в серьезную зависимость от короля Венгрии. Ряд исследователей на основании анализа эпизода о коронации Бель IV в 1235 г., когда Даниил «со всей почтительностью вел... [королевского. – М.К.] коня» (Chronici 1937: 467), утверждают, что князь признал верховную власть венгерского правителя (Лабунька 2004: 554–561; Волошук 2006: 331–341). Полное избавление от венгерского влияния произошло только после Ярославской битвы 1245 г., но затем сразу же возникла новая помеха для независимого правления Даниила.

Эта помеха заключалась в установлении монголо-татарского владычества над русскими землями. Новыми «царями» в полном политическом смысле этого слова были монгольские ханы и правители Золотой Орды. Они стали «царями» по праву силы и захвата русских земель – в русских летописях ханов называют «царями» не просто так, русские князья признают реальную царскую власть ханов, их политический статус. Причем если раньше царский титул на Руси воспринимался в религиозном, христианском значении (Водов 2002: 538), то Джучиды свой «царственный статус» основывали на силе монгольского оружия (Филюшкин 2006: 74). Это не могло не помешать Даниилу в установлении собственного «царства». Говоря о визите князя в Орду, летописец, как бы его упрекая за это, отмечает, что его отец был «царем Русской земли» (ПСРЛ 2: 185), намекая на то, что сам Даниил вынужден теперь кланяться собственным «царям» – ханам.

Очевидно, что «царственная идея» Даниила Романовича так и не была воплощена в жизнь, хотя, даже несмотря на утрату политической независимости и подчинение новому царству – Ордынскому, Даниил все равно заявлял о себе как о продолжателе дела своих отца и матери. На наш взгляд, причиной этого было сохранение тесных связей с императорами Никейской империи. Вероятно, такое большое значение, какое придавалось в Галицко-Волынской Руси элементам царской византийской власти, не могло быть следствием исключительно упрямого желания Даниила следовать по пути отца. Полагаем, что холмский двор Даниила был хорошо осведомлен о деятельности правителей Никеи и продолжал внимательно следить за развитием событий в конфликте между Никеей и Латинской империей. Если признать это, то в Холме, очевидно, знали о внеш-

неполитических успехах никейского императора Иоанна III Ватаца. В конце 1246 г. Ватац с войсками переправился на европейскую часть континента и осадил город Серры (в Северной Македонии, современная Греция), а затем занял большую часть Северной Македонии с городами Пиманином, Лентианой, Хариаром и Вервенияком (Георгий Акрополит 2013: 63). Впоследствии подчинил Адрианополь, Фессалоники и часть Эпирского царства, а следующей весной (1247 г.) выступил в поход на Константинополь (Георгий Акрополит 2013: 87). Естественно, в этих условиях Даниил Романович мог чувствовать себя более свободным во внешнеполитической активности. Так как Даниил был союзником и никейского правителя, и императора Священной Римской империи, он, соответственно, снова мог заявить о себе как о продолжателе дела отца и взять курс на возвращение своего «царственного статуса».

В 1248 или начале 1249 г. состоялась встреча Даниила с королем Белой IV, зависимость от которого Даниил ранее признавал:

«Данила же приде к нему [Беле Венгерскому. – М.К.] исполчи вса люди своѣ. Нѣмьци же диващеса в роужью Татарьскомуу бѣша бо кони в личинахъ. и в коѣрѣхъ кожаныхъ. и людье во ѡрыцѣхъ. и бѣ полковъ его свѣтлость велика. ѿ в роужье блистающаса. самъ же бѣа подлѣ короля. по вбычаю Роускоу бѣ бо конь под нимъ дивлению подобень. и сѣдло ѿ злата. жьжена и стрѣлы и сабля златомъ оукрашена. иными хитростями. ѡкоже дивитиса. кожихъ же шловира Грѣцкого и кроуживы златыми плоскомиЕ вшити. и сапозы зеленого хѣза шити золотомъ» (ПСРЛ 2: 187).

Трактовали этот эпизод исследователи по-разному. Большинство уделяли внимание лишь красочному одеянию Даниила Галицкого, говоря о том, что оно было предназначено, чтобы возвеличить образ русского князя. Так, например, считали советские исследователи Н.К. Гудзий (Гудзий 1966: 213), Н.В. Водовозов (Водовозов 1966: 133), Д.С. Лихачев (Лихачев 1970: 36). Еще исследователи имперских времен полагали, что парадный костюм князя был предназначен для того, чтобы поразить всех окружающих своим великолепием, что князь был одет «по русскому обычаю» (Соловьев 1988: 501–502).

Тем временем вслед за А.В. Майоровым мы признаем возможность иной трактовки данного описания. Исследователь замечает, что выражение «по русскому обычаю» относится не к костюму, а, скорее, к поведению князя в присутствии венгерского короля, к определенному церемониалу или протоколу (Майоров 2014: 226). При этом что-то в этом поведении короля смутило. Читаем в летописи: «Немцем же зращимъ много диващимса речѣмоу король не взалъ быхъ тысаще серебра за то вже еси пришель. вбычаемъ Роускимъ шцѣвъ своихъ»

(ПСРЛ 2: 187). В статье А.В. Майорова, посвященной этой встрече Даниила и Беле, подробно разбирается данная спорная ситуация. Большинство исследователей трактовали фразу летописца в благоприятном для князя смысле, как «менее дорога мне тысяча серебра, нежели то, что ты приехал по обычаю русскому отцов своих» (Крип'якевич 1999: 180). Сам же А.В. Майоров вслед за О.П. Лихачевой (Лихачева 1997: 263) трактует эту фразу иначе, исходя из того, что союз «уже» соответствует современному «если» или «лишь бы». В таком случае фраза приобретает противоположное значение: «Я бы отказался от тысячи серебра, лишь бы ты пришел по русскому обычаю своих отцов», таким образом упрекая Даниила в отходе от «русского обычая» (т. е. от привычного Беле вассального статуса Даниила). Надо думать, что именно «греческий оловир» – один из символов царской власти Византии (ткань «царской» пурпурной окраски) – был причиной недовольства венгерского монарха.

Очевидно, что это прямое указание на очередную попытку создания «царственного образа» Даниила Романовича, использовавшего оловир, чтобы подчеркнуть свои родственные связи с византийскими императорами. По-видимому, Даниил получил этот оловир в наследство от матери (Майоров 2014: 234). И, конечно же, в условиях военных успехов Никеи Даниилу было очень важно продемонстрировать свой царственный статус уже на международной арене – нужно было это сделать именно перед Белой IV, с которым некогда Даниил был связан вассальной клятвой, что, естественно, вызвало недовольство венгерского короля.

Важным кажется то, что Даниил использовал оловир как знак царской власти именно во время встречи с немецкими послами. То есть для Даниила имело большое значение не просто показать свой статус Беле, считавшему галицко-волынскому князя своим вассалом, но и предстать в «царственном образе» перед представителями императора. Можно указать еще на одну интересную с этой точки зрения фразу из летописного отрывка, в котором летописец характеризует императора: «бѣ бо цѣрь вѣдѣе державѣ ведень землю Ракоушьскоу. и Штирьскоу» (ПСРЛ 2: 187). При этом неясно, как трактовать слово «ведень» – как «Ведень» (в таком случае имеется в виду Венская земля в Австрии) или «в едень» (т. е. *в одиночку, самостоятельно*). Если предположить второй вариант, то получается, что в данном случае присутствует идея того, что царь может и должен владеть своей землей самостоятельно, без соправителей и кого-либо еще. В данном случае Даниил показывает царским послам, что он является равней императору, а королю Венгрии князь демонстрирует, что он также может держать свою землю «в едень».

Из всего перечисленного видно, что, даже несмотря на то что Даниил поочередно испытывал зависимость от Венгрии и Золотой Орды, он не отказался от попыток воссоздать «царство» отца. Причем если изначально это имело исключительно идеологическое выражение (создание образа великого царя в Галицко-Волынской летописи), то в 1240-х гг. в связи с успехом Никейской империи, с которой Даниил поддерживал отношения через свою мать, князь получил реальную возможность продемонстрировать свой «царский статус» могущественным правителям того времени – королю Венгрии и императору Священной Римской империи.

Византия (Никея) и коронация Даниила

Если признать, что холмский двор Даниила и никейский двор Иоанна III Ватаца были объединены политическими связями, то, очевидно, и в том и в другом месте были осведомлены о внешнеполитических делах, которые велись на Руси и в Никее. После успехов Ватаца папа римский имел все основания для беспокойства о том, что латиняне потеряют Константинополь. Основания для этого были – это не только собственно военные походы никейцев, но и мощный политический союз, сложившийся в 1240-е гг., в который входили Никея, Священная Римская империя и, очевидно, Галицко-Волынское княжество. Конечно же, задачей папы было расстроить этот союз и, главным образом, вывести из него императора Фридриха II. Пока Константинополь находился под контролем латинян, а значит, Римской церкви, папа мог обещать его императору Никеи в случае, если придется заключать с ним мир и отговаривать его от союза с императором Фридрихом. Поэтому взятие Константинополя было явно не в интересах Рима.

В связи с этим становится ясно, что никейцы влияли на отношения между римским папой и Даниилом. Они знали, что сейчас папа находится в затруднительном положении – он не получил ответа ни от монголов, на союз с которыми, очевидно, рассчитывал в интересах противостояния Никее, ни от Даниила, бывшего союзником и действовавшего в интересах Никеи. Вероятно, для подтверждения того, что Даниил будет следовать в русле никейской политики, около 1246–1247 гг. в Никею к патриарху отправился сподвижник князя – печатник Кирилл, миссия которого была успешна, о чем свидетельствует поставление его в митрополиты (Maierov 2015: 20).

Осенью 1247 г. в Никею прибыл папский посол – монах-францисканец Лаврентий из ближайшего окружения папы (Maierov 2015: 15), который встретился с патриархом Мануилом II и передал ему предложение об объединении церквей на благоприятных для гре-

ков условиях. Для Иоанна Ватаца такое предложение было выгодным – он мог обезопасить себя от возможного контрнаступления в Фессалии и Северной Македонии латинского императора Балдуина (Бодуэна) II де Куртене, который искал во Франции и Англии войска для удара по никейцам (Matthaei Parisiensis 1869: 24–25). На фоне переговоров, начавшихся с Никеей, папа продолжал общение и с Галичем, причем здесь договоренность, казалось бы, уже была достигнута. 12 сентября 1247 г. папа объявил Даниилу, его сыну и Васильку, «королю Лодомерии», о том, что принимает их «под покровительство святого Петра и наше» (Папские послания 1976: 128).

А. Папаянни пишет о том, что в 1249–1252 гг. папа выражал надежду на новый этап переговоров с никейцами (Papayianni 2000: 205). Однако слишком долгие раздумья в Никее вынудили его считать, что переговоры провалились. Тем не менее в самой Никее предложением папы были удовлетворены, после чего император направил к нему новое посольство в начале 1253 г. (Papayianni 2000: 205).

Как отмечает А.В. Майоров, переговоры с папой в Галицко-Волынской Руси и Никее происходили практически синхронно и одновременно достигли своей кульминации (Майоров 2011с: 73; 2015: 20–23). Однако весьма странным, как кажется на первый взгляд, представляется решение Даниила Романовича о коронации. При этом сказано, что Даниил принял корону по совету своей матери (среди прочих) (ПСРЛ 2: 191) – византийской принцессы, что дает возможность сделать вывод об изменении ее настроений с проникнейских на проримские. Но этот вывод поспешен. Мать Даниила оставалась верна своим никейским родственникам (Maіorov 2015: 21). И «разрешение» Никее на коронацию Даниила могло быть вызвано, в частности, тем, что в 1250 г. умер император Фридрих II, а его преемник Конрад IV был враждебно настроен к Никее (Maіorov 2015: 17). Это лишало Ватаца сильного союзника в борьбе с папой и вынуждало идти на более решительные действия.

След Византии во внешней и внутренней политике Галицко-Волынского княжества первой половины XIII в. достаточно велик, что объяснялось не только географической близостью регионов и давней политической традицией, связывавшей русские земли и Византию, но и новыми обстоятельствами, сопряженными с падением императорской власти и захватом Константинополя в 1204 г. Одну из главных ролей в сохранении византийского влияния в Галицко-Волынской земле сыграла дочь Исаака II Ефросинья (Анна), ставшая женой Романа и матерью Даниила Галицкого. Но если Роман «царствовал» действительно и имел законные основания на титулование благодаря своей внешнеполитической активности, браку и приобретению святых

реликвий, еще более укрепивших его позиции, то Даниилу оставалось лишь следовать за «царственным образом». Его политика включала отдельные элементы «царствования» (использование символики и прославление царского образа в летописи). Но связь с Византией, несмотря на временное подчинение Венгрии, подчинение Орде и контакты с папством, Даниил не утратил.

ЛИТЕРАТУРА

- Вардан 1861 - Всеобщая история Вардана Великого. М., 1861.
- Водов 2002 - *Водов В.А.* Замечание о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до XV века // Из истории русской культуры. Статьи по истории и типологии русской культуры. М., 2002. Т. II, кн. 1: Киевская и Московская Русь. С. 205–212.
- Водовозов 1966 - *Водовозов Н.В.* История древней русской литературы. М.: Просвещение, 1966. 384 с.
- Войнар 1955 - *Войнар М.М.* Корона Данила в правно-політичній структурі Сходу (Візантії) // Корона Данила Романовича. 1253–1953 рр. Доповіді Римської сесії II наук. конф-ції. Наукового товариства ім. Шевченка (Рим, 18 грудня 1953 р.). Рим; Париж; Мюнхен, 1955. С. 116–117.
- Волощук 2006 - *Волощук М.М.* Даниил Галицкий и Бела IV: К реконструкции русско-венгерских отношений 30-х годов XIII в. // *Rossica antiqua*. 2006 год / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, А.В. Майоров. СПб., 2006. С. 331–341.
- Георгий Акрополит 2013 - Георгий Акрополит. История / Пер., вступ. ст., коммент. и прил. П.И. Жаворонкова; отв. ред. Г.Г. Литаврин. СПб., 2013. 415 с.
- Гудзий 1966 - *Гудзий Н.К.* История древней русской литературы. М.: Учпедгиз, 1966. 551 с.
- Древняя Русь 2004 - Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша / Пер. Н.И. Щавелевой. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 493 с.
- Киселев 2016 - *Киселев М.В.* Спорные вопросы Батыева нашествия на Южную Русь и Прикарпатье // Русин. 2016. № 1 (43). С. 57–80.
- Котляр 2008 - *Котляр Н.Ф.* Даниил, князь Галицкий. СПб.: Алетея, 2008. 320 с.
- Крип'якевич 1999 - *Крип'якевич І.П.* Галицько-Волинське князівство. Львів, 1999. 220 с.
- Лабунька 2004 - *Лабунька М.* Князь Данило Галицький і коронація угорського короля Бели IV // До джерел. Збірник наукових праць на пошану О. Купчинського з нагоди його 70-річчя. Львів, 2004. Т. I. С. 554–561.
- Лихачев 1970 - *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 180 с.
- Лихачева 1997 - Галицко-Волынская летопись / Пер. О.П. Лихачевой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 5. С. 184–357, 482–515.

Майоров 2009 - *Майоров А.В.* Царский титул галицко-волынского князя Романа Мстиславича и его потомков // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1/2. С. 250–263.

Майоров 2011a - *Майоров А.В.* Восточнохристианские реликвии и идея «переноса империи»: Византия, Балканы, Древняя Русь // *Религиоведение*. 2011. № 1. С. 17–24.

Майоров 2011b - *Майоров А.В.* О происхождении и символике имени князя Ираклия Даниловича // *Вопросы истории*. 2011. № 3. С. 110–121.

Майоров 2011с - *Майоров А.В.* Апостольский престол и Никейская империя во внешней политике Даниила Галицкого // *Rossica Antiqua*. 2011. № 1. С. 60–99.

Майоров 2014 - *Майоров А.В.* Греческий оловир Даниила Галицкого: из комментария к Галицко-Волынской летописи // *ТОДРЛ*. 2014. Т. 62. С. 225–235.

Паславський 2003 - *Паславський І.* Коронація Данила Галицького в контексті політичних і церковних відносин XIII століття. Львів: Місіонер, 2003. 112 с.

Папские послания 1976 - *Большакова С.А.* Папские послания галицкому князю как исторический источник // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 1975 г. М., 1976. С. 122–129.

ПСРЛ 2 - Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. II. 648 с.

Соловьев 1988 - *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн.* М.: Мысль, 1988. Кн. 2, т. 3–4. 765 с.

Фильюшкин 2006 - *Фильюшкин А.И.* Титулы русских государей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. 256 с.

Chronici 1937 - *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV* // *Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum* / Ed. E. Szentpétery. Budapestini, 1937. Vol. 1. 289 p.

Dąbrowski 2002 - *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 2002. 348 s.

Fiadoni 1727 - *Ptolomaei Lucensis Historiaecclesiastica nova* // *Rerum Italicarum Scriptores* / Ed. L.A. Muratori. Milano, 1727. T. XI. Col. 1119.

Maierov 2014 - *Maierov A.V.* The daughter of a Byzantine Emperor – the wife of a Galician-Volhynian Prince // *Byzantinoslavica*, 2014. Vol. 72, № 1–2. P. 188–233.

Maierov 2015 - *Maierov A.V.* Ecumenical Processes in the mid-13th century and the Union between Russia and Rome // *Zeitschrift für Kirchengeschichte*. 2015. Vol. 126, № 1. P. 11–34.

Maierov 2016 - *Maierov A.V.* Angelos in Halych: Did Alexios III Visit Roman Mstislavich? // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 2016. Vol. 56, № 2. P. 343–376.

Matthaei Parisiensis 1869 - *Matthaei Parisiensis. Historia Anglorum, sive, ut vulgo dicitur, Historia Minor*. 1067–1253. London: Longmans, Green, Reader and Dyer. 1869. T. III. 667 p.

Papayianni 2000 - *Papayianni A. Aspects of the Relationship between the Empire of Nicaea and the Latins, 1204–1254*. London: University of London, 2000. 352 p.

REFERENCES

Vardan the Great. (1861) *Vseobshchaya istoriya Vardana Velikogo* [Universal History of Vardan the Great]. Translated by N. Emin. Moscow: Institut vostochnykh yazykov.

Vodov, V.A. (2002) Zamechanie o znachenii titula “tsar” primenitel’no k russkim knyaz’yam v epokhu do XV veka [On the meaning of the title “tsar” applied for Russian princes before the 15th century]. In: Litvina, A. et al. *Iz istorii russkoy kul’tury* [From the history of Russian culture]. Vol. 2(1). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury. pp. 205–212.

Vodovozov, N.V. (1966) *Istoriya drevney russkoy literatury* [History of Ancient Rus literature]. Moscow: Prosveshchenie.

Vojnar, M.M. (1955) [The crown of Daniel in the legal and political structure of the East (Byzantium)]. *Korona Danila Romanovicha. 1253–1953 rr.* [The Crown of Daniel Romanovich. 1253–1953]. Proc. of the Second Conference of the Shevchenko Scientific Society. Rome. December 18, 1953. Rome, Paris, Munich. pp. 116–117.

Voloshchuk, M.M. (2006) Daniil Galitskiy i Bela IV: K rekonstruktsii russko-vengerskikh otnosheniy 30-kh godov XIII v. [Daniel of Galicia and Bela IV: To the reconstruction of Russian-Hungarian relations in the 1230s]. In: Dvornichenko, A.Yu. & Maiorov, A.V. (eds) *Rossica antiqua*. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 331–341.

George Akropolites. (2013) *Istoriya* [History]. Translated by P.I. Zhavoronkov. St. Petersburg: Aleteyya.

Gudziy, N.K. (1966) *Istoriya drevney russkoy literatury* [History of Old Rus literature]. Moscow: Uchpedgiz.

Shchhaveleva, N.I. & Nazarenko, A.V. (eds) (2004) *Drevnyaya Rus’ v “Pol’skoy istorii” Yana Dlugosha* [Old Rus in the Polish history by Jan Dlugosh]. Translated by N.I. Shchhaveleva. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.

Kiselev, M.V. (2016) The controversial issues of Batu’s invasion into Southwestern Rus and Subcarpathia. *Rusin*. 1 (43). pp. 57–80. DOI: 10.17223/18572685/43/5

Kotlyar, N.F. (2008) *Daniil, knyaz’ Galitskiy* [Daniel, Prince of Galicia]. St. Petersburg: Aleteyya.

Kripyakevich, I.P. (1999) *Galits’ko-Volins’ke knyazivstvo* [Principality of Galicia-Volhynia]. 2nd ed. Lviv: [s.n.].

Labunka, M. (2004) Knyaz’ Danilo Galits’kiy i koronatsiya ugors’kogo korolya

Beli IV [Prince Daniel of Galicia and coronation of the Hungarian king Bela IV]. In: Girich, I. et al. (eds) *Do dzherel. Zbirnik naukovikh prats' na poshanu O. Kupchins'kogo z nagodi yogo 70-richchya* [The sources. Scientific papers in honor of Oleg Kupchynskyi on the occasion of his 70th anniversary]. Vol. 1. Lviv: Ukrainian Academy of Sciences. pp. 554–561.

Likhachev, D.S. (1970) *Chelovek v literature Drevney Rusi* [Man in the Old Rus literature]. Moscow: Nauka.

Likhacheva, O.P. (1997) *Galitsko-Volynskaya letopis'* [Galician-Volhynian Chronicle]. In: Likhachev, D.S., Dmitriev, L.A., Alekseev, A.A. & Ponyrko, N.V. (eds) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [The Library of Old Rus Literature]. Vol. 5. St. Petersburg: Nauka. pp. 184–357, 482–515.

Maierov, A.V. (2009) *Tsarskiy titul galitsko-volynskogo knyazya Romana Mstislavicha i ego potomkov* [The regal title of Galician-Volhynian prince Roman Mstislavich and his ancestors]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1/2. pp. 250–263.

Maierov, A.V. (2011a) Eastern Christian Reliquiae and the “Transfer of Empire”: Byzantium, the Balkans, Old Rus. *Religiovedenie – Study of Religion*. 1. pp. 17–24.

Maierov, A.V. (2011b) *O proiskhozhdenii i simvolike imeni knyazya Irakliya Danilovicha* [On the origin and symbolic nature of the name of Prince Irakli Danilovich]. *Voprosy istorii*. 3. pp. 110–121.

Maierov, A.V. (2011c) *Apostol'skiy prestol i Nikeyskaya imperiya vo vneshney politike Daniila Galitskogo* [Holy See and Nicaean Empire in the foreign policy of Daniel of Galicia]. *Rossica Antiqua*. 1(3). pp. 60–99.

Maierov, A.V. (2014) *Grecheskiy olovir Daniila Galitskogo: iz kommentariya k Galitsko-Volynskoy letopisi* [The Greek purple of Daniel of Galicia: From the commentary to the Galician-Volhynian Chronicle]. *TODRL*. 62. pp. 225–235.

Paslavskiy, I. (2003) *Koronatsiya Danila Galits'kogo v konteksti politichnikh i tserkovnikh vidnosin XIII stolittya* [The coronation of Daniel of Galicia in light of political and religious relations of the 13th century]. Lviv: Misioner.

Bolshakova, S.A. (1976) *Papskie poslaniya galitskomu knyazyu kak istoricheskiy istochnik* [Papal letters to the Galician prince as a historical source]. In: Pashuto, V.T. (ed.) *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy* [The oldest states of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. pp. 122–129.

Kloss, B.M. (ed.) (1998) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Soloviev, S.M. (1988) *Sochineniya: v 18 kn.* [Works: In 18 vols]. Book 2. Moscow: Mysl'.

Filyushkin, A.I. (2006) *Tituly russkikh gosudarey* [The titles of Russian rulers]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo.

Szentpétery, E. (ed.) (1937) *Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum*. Vol. 1. Budapest: Acad. litt. Hungarica.

Dąbrowski, D. (2002) *Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich* [The genealogy of Romanovichi, Princes of Galicia-Volhynia]. Poznań; Wrocław: Wydawnictwo Historyczne.

Muratori, L.A. (ed.) (1727) *Rerum Italicarum Scriptores* [Italian Writers]. Vol. 11. Col. 1119.

Maierov, A.V. (2014) The daughter of a Byzantine Emperor – the wife of a Galician-Volhynian Prince. *Byzantinoslavica*. 72(1–2). pp. 188–233.

Maierov, A.V. (2015) Ecumenical Processes in the mid-13th century and the Union between Russia and Rome. *Zeitschrift für Kirchengeschichte*. 126(1). pp. 11–34.

Maierov, A.V. (2016) Angelos in Halych: Did Alexios III Visit Roman Mstislavich? *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 56(2). pp. 343–376.

Mathew Paris. (1869) *Historia Anglorum, sive, ut vulgo dicitur, Historia Minor*. 1067–1253. Vol. 3. London: Longmans, Green, Reader and Dyer.

Papayianni, A. (2000) *Aspects of the Relationship between the Empire of Nicaea and the Latins, 1204–1254*. London: University of London.

Киселев Максим Викторович – аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Kiselev Maxim - Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: fasthedgehog@bk.ru